

Къ вопросу о Сараписѣ.

Въ исторіи эллинистическо-римской религіи чрезвычайно важная роль выпала на долю верховнаго бога птолемеевскаго Египта.—Сараписа. Отожествленный съ древне-египетскимъ Осирисомъ - Аписомъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, игралъ роль какого-то собирательнаго божества: почти всѣ народы древняго міра видѣли въ немъ своего національнаго бога и пытались установить это путемъ разныхъ филологическихъ и культурно-историческихъ несообразностей. Широкая популярность культа Сараписа была въ значительной степени результатомъ мудрой политики Птолемеевъ, которымъ путемъ учрежденія культа этого интернаціональнаго божества, удалось провести въ жизнь завѣтную мечту Александра Великаго о примиреніи господствующихъ грековъ съ покоренными варварами. Поэтому вопросъ о происхожденіи Сараписа чрезвычайно интересенъ съ общенсторической точки зрѣнія,—религіозный синкретизмъ неразрывно связанъ съ прогрессомъ космополитизма, и первымъ шагомъ къ уничтоженію національной обособленности даннаго народа является стремленіе его отожествить своихъ боговъ съ чужеземными.

Обращаясь къ тѣмъ даннымъ, которыя сохранились въ античной традиціи относительно происхожденія этого въ высокой степени любопытнаго культа. По словамъ Тацита (*Hist.* 4, 83), Птолемею Сотеру явился во снѣ юноша „необыкновенной красоты и сверхчеловѣческаго вида“ (*decore eximio et majore quam humana specie*), который приказалъ царю немедленно снарядить экспедицію въ Понть и добыть оттуда его статую, обѣщая за это свое божественное покровительство.

Царь открываетъ свой сонъ жрецамъ, и вотъ одинъ изъ нихъ, аеинянинъ Тимоѳеѣй изъ древнаго рода Эвмолпидовъ, разспросивъ бывалыхъ людей, докладываетъ Птолемею, что въ Понтійскомъ городѣ Синопѣ существуетъ изображение божества, которое мѣстные жители признаютъ за Плутона (Jovis Dis), такъ какъ около него находится статуя Прозерпины. Птолемей, однако, не думалъ исполнять велѣнiе бога, пока послѣднiй вновь ни явился къ царю съ еще болѣе грознымъ видомъ и ни принудилъ его поторопиться съ прiобрѣтениемъ статуи. Когда послы Птолемея, предварительно спросивъ дельфiйскаго оракула, явились къ синопскому царю Скидроемиду, послѣднiй, опасаясь народныхъ волненiй, отказался отдать статую и только послѣ новаго божественнаго вмѣшательства изображение Плутона было доставлено въ Египетъ. Царь помѣстилъ его въ александрiйскомъ кварталѣ Ракотидѣ, гдѣ, по Тациту, „существовала часовня, издревле посвященная Сарapisу и Исидѣ (Sacellum, Serapidi atque Isidi antiquitus sacratum). То же самое передаетъ Плутархъ (De Iside et Osiride, 28), съ тою лишь разницей, что у него въ качествѣ истолкователя является не только аеинянинъ Тимоѳеѣй, но и египтянинъ Манѳеонъ: оба они, основываясь на присутствiи около статуи Цербера и дракона (*τῷ Κερβέρῳ τεκταίνοντες καὶ τῷ δράκοντι*), узнали въ ней Плутона и „убѣдили Птолемея, что, это не иное какое-либо божество, но Сарapisъ (*πειθουσι τὸν Πτολεμαῖον ὡς ἑτέρου θεῶν οὐδενός, ἀλλὰ Σαράπιδος ἑστίν*). На первоначальное пребыванiе статуи Сарapisа въ Синопѣ указываютъ и другiе авторы, именно Евстафiй въ своемъ комментарiи къ Дiонисию Перiэгету, и Климентъ Александрiйскiй (послѣднiй прiурочиваетъ рассказъ къ Птолемею Филадельфу). Такимъ образомъ, античная традиция, повидимому, согласна въ вопросѣ о происхожденiи Сарapisа, и вопросъ этотъ не былъ бы спорнымъ въ современной наукѣ, если бы тѣ же самыя историки не сохранили другихъ версiй, противорѣчащихъ только что приведеннымъ. По словамъ Тацита, нѣкоторые считаютъ родиной Сарapisа Селевкию, другiе—Мемфисъ. Селевкийское происхожденiе божества отмѣчено и у Климента Александрiйскаго (Protr. 4, 48), что же касается Евстафiя (Geogr. graeci minores. ed. Müller, II, 262), то послѣднiй не только не ограничивается синопской гипотезой, но даже объясняетъ причину ея возникновенiя: „Си-

нось“, говоритъ онъ, „это гора Мемфиса“ (*Σινόπιον γὰρ ὄρος Μέρφιδος*), причемъ это послѣднее свидѣтельство какъ будто подтверждается Павсаниемъ (I, 18, 4), по словамъ котораго въ Мемфисѣ существовало древнѣйшее святилище божества *ἱερὸν... ἐπιφανέστατον μὲν ἐστὶν Ἀλεξανδρεῖσιν, ἀρχαιότατον δὲ ἐν Μέρφει*). Самое слово „Сараписъ“ вызывало различныя толкованія: по Плутарху, одни производили его отъ глагола *σαίρειν*, другіе отъ *σορός* „Аписа“, т.-е. „гробъ Аписа“, а иудейско-христианская версія связывала имя этого популярнаго божества съ библейской традиціей, отождествивъ его съ Иосифомъ—*Σάρφας παῖς* (Firmicus Maternus, De errore prof. relig. XIII, 2). Съ другой стороны, помимо рассказа о синопскомъ происхожденіи статуи Сараписа, сохранилась другая версія, бросающая свѣтъ на вопросъ о творцѣ этого произведенія. По словамъ стоика Аеенодора, воспроизведеннымъ у Климента Александрійскаго, царь Сесострисъ, покоритель большей части Эллады, на возвратномъ пути въ Египетъ захватилъ съ собой много греческихъ мастеровъ, одному изъ которыхъ, по имени Бриаксію, было поручено сдѣлать статую Сараписа. Этотъ Бриаксій былъ, по объясненію автора, не аеинянинъ, а другой, носящій то же имя, то-есть, иными словами, Аеенодоръ указываетъ, что его не должно смѣшивать съ извѣстнымъ греческимъ скульпторомъ IV вѣка, современникомъ и вѣроятно, ученикомъ Скопаса. (См. S. Reinach, *Revue archéologique*, t. XLI, p. 17 и C. Robert у Pauly—Wissowa, III, 1,916 ff.). Разумѣется, этотъ рассказъ представляетъ собой чистѣйшій вымыселъ, но самое сопоставленіе легендарнаго греческаго скульптора времени Сесостриса съ извѣстнымъ Бриаксіемъ указываетъ, по справедливому замѣчанію W. Amelung'a (*Revue arch.* II, 1903, juillet - août, p. 185), что именно ему приписывали созданіе знаменитой статуи въ александрійскомъ Серапеумѣ. Твореніе Бриаксія послужило образцомъ для многочисленныхъ скульптурныхъ изваяній, которыя въ довольно большомъ количествѣ найдены археологами почти во всѣхъ странахъ на побережьѣ Средиземнаго моря. (См. о нихъ статью Weitz'a у Roscher'a *Ausführliches Lexicon d. griech. u. Römisch. Mythologie*, IV 364 ff.).

На ряду съ только что приведенными данными о происхожденіи Сараписа, античная традиція сохранила намъ еще одно указаніе, которое, повидимому, окончателно запутыва-

еть этотъ и безъ того сложный вопросъ. По словамъ того же Плутарха' (vita Alex. 76.), наканунѣ смерти Александра В., его приближенные Птолеонъ и Селевкъ отправились въ храмъ *Sarapis*, чтобы спросить бога, не перенести ли умирающаго въ его святилище, на что оракуломъ былъ данъ отрицательный отвѣтъ. То же самое передаетъ Аррианъ (7,26,2), основываясь на свидѣтельствѣ царскимъ эфемеридъ, т.-е. придворнаго журнала, послужившаго, какъ извѣстно, источникомъ для позднѣйшихъ историческихъ произведеній. Такимъ образомъ, мы совершенно неожиданно узнаемъ о почитаніи Сарapisа въ Вавилонѣ во времена Александра В., что, какъ будто, находится въ непримиримомъ противорѣчій съ рассказомъ объ учрежденіи культа этого божества.

Птолеемъ Сотеромъ желаніе примирить это противорѣчіе побудило современныхъ филологовъ поставить вопросъ о томъ, дѣйствительно ли въ Вавилонѣ существовало божество, которое въ силу созвучія имени могло быть отождествлено съ Сарapisомъ? Прежде всего Wilcken (Philol. 6, S. 119), основываясь на указаніи извѣстнаго ассиріолога Фр. Делича, обратилъ вниманіе на *Sar-aru*, дополнительное имя древне-вавилонскаго бога Нергала. Болѣе подробную разработку этотъ вопросъ получилъ въ изслѣдованіяхъ Lehmann—Haupt'a (см. главнымъ образомъ его статью у Roscher'a, IV, SS.—338—364), по мнѣнію котораго дѣло идетъ здѣсь не о Нергалѣ, божествѣ чумы и смерти, а о *Sar-arsî*, что означало „владыка океана“ и употреблялось въ качествѣ дополнительнаго имени бога Эа. Первоначально бывший божествомъ города Эриду на берегу Персидскаго залива, Эа въ послѣдствіи сдѣлался членомъ сумерійской тріады (Ану, Энлиль, Эа) и, наконецъ, былъ принятъ въ вавилонскій пантеонъ, гдѣ онъ превратился въ отца Мардука, игравшаго столь важную роль въ развитіи древне-восточнаго Монотеизма.

Та роль, которая выпала на долю этого божества въ послѣдніе часы Александра В., послужила причиною особаго вниманія къ нему со стороны Птолемея Сотера, перенесшаго культъ Эа *Sar-arsî* въ Египетъ, гдѣ онъ, въ силу созвучія имени, былъ отождествленъ съ Осирисомъ - Аписомъ, превратившись въ Сарapisа и сдѣлавшись верховнымъ покровителемъ царствующей династіи Лагидовъ, вполне удовлетворяя ихъ желанію поставить какое-нибудь универсально-космопо-

литическое божество во влагѣ древне-египетскаго пантеона. Что же касается Синопа, то Lehmann-Haupt, вполне принимая свидѣтельство Тацита и Плутарха, считаетъ этотъ городъ лишь промежуточнымъ пунктомъ въ перенесеніи культа Сараписа изъ Вавилона въ Египетъ. Онъ присоединяется къ Nöldeke (Hermes 1871, S. 443 ff.), по мнѣнію котораго греческое названіе окрестностей Синопа *'Assiria* указываетъ на то, что здѣсь нѣкогда существовала ассирійская колонія, что подтверждается вавилонскими хрониками о колонизаціонной дѣятельности царей Салманассара I (1320 г. до Р. X.) и Тукульти - Ниниба I (1290 г.), завоевавшихъ страну Kirchi, т.-е. южное побережье Чернаго моря. Въ этой-то ассирійской колоніи и существовалъ, по мнѣнію Lehmann—Haupt'a, культъ божества морской пучины Эа, гдѣ онъ въ послѣдствіи эллинизировался и уже отсюда былъ перенесенъ Птолемеемъ въ Египетъ.

Въ доказательство своей теоріи Lehmann—Haupt ссылается также на то, что имя Сараписа иногда сопровождалось какимъ-то непонятнымъ словомъ *'Iad*, что подало мысль позднѣйшимъ гностикамъ отождествить Сараписа съ иудейскимъ божествомъ Ягве. По мнѣнію Lehmann — Haupt'a тутъ дѣло идетъ не о Ягве, а лишь объ измѣненной формѣ имени Эа, который уже въ 3-мъ тысячелѣтіи до Р. X. писался, какъ Iai, т.-е. иными словами въ культѣ Сараписа сохранилось воспоминаніе о тождествѣ его съ древне-sumerійскимъ богомъ.—Замѣтимъ кстати, что вавилонское происхожденіе Сараписа еще ранѣе предполагалъ Krall (Jahrb. d. Arch. Inst. 12, Arch. Anz. 1897, S. 168 ff.), отождествляя его, впрочемъ, не съ *Sar-apsi*, а съ Баломъ.

Теорія Lehmann — Haupt'a на первый взглядъ подкупаетъ читателя своей попыткой примирить сообщенія древнихъ авторовъ, и я, приступая къ изученію вопроса о Сараписѣ, первоначально вполне было остановился на вавилонской гипотезѣ,—слишкомъ уже просто объясняетъ она всѣ запутанныя данныя о происхожденіи этого божества. Но далѣе мнѣ пришлось убѣдиться, что недовѣрчивое отношеніе большинства современныхъ изслѣдователей къ этой гипотезѣ имѣетъ свои основанія. Нельзя, напримѣръ не согласиться съ замѣчаніемъ Amelung'a (op. cit. 204,2), что если Птолемей Сотеръ хотѣлъ найти универсальное божество въ вавилон-

скомъ пантеонѣ, то естественнѣе, ему было бы остановиться на Мардукѣ, чѣмъ на Эа, который почитался въ качествѣ бога мудрости и врачебнаго искусства, но никогда не игралъ той міровой роли, какая впоследствии выпала на долю Сараписа. Еще болѣе страннымъ кажется мнѣ желаніе Lehmann—Haupt'a придать этому божеству какое-то важное значеніе въ религіозной политикѣ Александра В.: вѣдь изъ сообщенія Плутарха и Арріана можно вывести только то, что приближенные царя прибѣгли къ мѣстному оракулу просто потому, что онъ оказался у нихъ подъ рукой,—отсюда не представляется возможнымъ дѣлать выводы о какой-то особой роли Эа въ предначертаніяхъ умирающаго покорителя Востока. Ясно, что отождествленіе вавилонскаго божества съ Сараписомъ было совершено только позднѣйшими авторами; если же оно дѣйствительно имѣло бы мѣсто при Александрѣ (что, впрочемъ, мало вѣроятно)¹⁾, то скорѣе можно было-бы предположить перенесеніе культа изъ Египта въ Вавилонъ, а не обратно,—достаточно вспомнить, какую важную роль играли египетскіе боги (напр. Амонъ) для религіознаго обоснованія власти великаго завоевателя²⁾. Но болѣе слабымъ пунктомъ теоріи Lehmann—Haupt'a является стремленіе его придать выдающуюся роль божеству, которое въ ту эпоху не имѣло рѣшительно никакого значенія: уже въ древнемъ Вавилонѣ Эа былъ постепенно вытѣсненъ своимъ первороднымъ сыномъ Мардукомъ (см. Jastrow, *D. Religion Babyloniens u. Assyriens*, I (1905), S. 131); да и вообще почитаніе древне-sumerійскаго бога никогда, сколько мнѣ извѣстно не получало особеннаго распространенія въ другихъ странахъ, тѣмъ болѣе въ такое позднее время. Что же касается предположенія Lehmann—Haupt'a о тождествѣ дополнительнаго имени Сараписа, 'Isā сь Эа, то здѣсь, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ соблюдать особую осторожность,—слишкомъ уже рискованно опираться на звуковое совпаденіе, которое сплошь и рядомъ носить случайный характеръ, не говоря уже о томъ, что данное сопоставленіе базируется на фактахъ возможныхъ, но

¹⁾ Возможность введенія культа Сараписа уже Александромъ допускаетъ O. Gruppe, *griech. Mythol. u. Religions-gesch.* II, Münch. 1906, S. 157S. Anm. 5.

²⁾ См. мою статью въ сборникѣ въ честь проф. В. П. Бузескула, Харьков. 1914. стр. 767 слл.

далеко еще не доказанныхъ. Во-первыхъ, неизвѣстно, дѣйствительно ли вавилонское Іаи представляетъ собою лишь особую транскрипцію имени Эа; во вторыхъ, принадлежность испанской подписи въ С. I. L. 2, Suppl. 56, 65, на которую ссылается Lehmann — Haurt, къ III в. до Р. X. заподозрѣна ея издателями, и послѣднее имѣеть свои основанія, хотя бы потому, что едва ли культъ Сараписа могъ такъ рано проникнуть въ Испанію. — Вообще, отождествленіе Сараписа съ Эа слишкомъ уже напоминаетъ собой неудачныя попытки объяснить всю міровую цивилизацію изъ принципа *ex oriente lux*, хотя самъ Lehmann — Haurt и не принадлежитъ къ числу сторонниковъ пресловутаго панвавилонизма.

Оригинальная гипотеза Lehmann — Haurt'a имѣеть за собой менѣе данныхъ, чѣмъ старая, но, какъ мнѣ кажется, болѣе вѣская теорія Champollion'a о туземномъ происхожденіи культа Сараписа, — теорія, къ которой постоянно продолжаютъ возвращаться изслѣдователи интересующаго насъ вопроса. Самое слово Сараписъ объясняется сторонниками этого взгляда, какъ искаженіе имени Осириса - Аписа — *Ὁσερᾶμις* (егип. *wšgr-hr*), путемъ толкованія начальной буквы *O*, какъ члена. Подобнаго рода этимологическая несообразность не должна удивлять насъ, — извѣстна манера древне-греческихъ писателей передѣлывать иностранныя слова на свой ладъ. Тѣмъ не менѣе, эта теорія, раздѣляемая Bouché - Leclercq'омъ (*Histoire des Lagides*, t. I, 1903, P. 118), Beloch'омъ (*Griech. Gesch.*, III, 446), Erman'омъ (*Die Aegyptische Religion*, 1909, S. 237) и въ самое послѣднее время Sethe (*Sarapis und die sogenannten *κατοχοι* des Sarapis*, 1913), встрѣтила недовѣрчивое отношеніе со стороны выдающаго знатока эллинистической эпохи Wilcken'a (*Arch. f. Papyrussforschung*, III, 249 и VI, 184), по мнѣнію котораго общепотребительныя формы имени Осириса - Аписа — *Ὁσερᾶμις* и *Ὁσερᾶμις* не могли послужить для образованія слова *Σαρᾶμις*, т. к. первая изъ нихъ, лишенная истолкованной въ качествѣ члена буквы *O*, даетъ никогда не существовавшую транскрипцію *Σορᾶμις*, что-же касается сокращенія второй въ видѣ *Σεραμις*, то въ этой формѣ имя божества стало употребляться не ранѣ II вѣка (*Serapis* — у римскихъ писателей). Дѣйствительная форма *Σαρᾶμις* могла получиться только путемъ сокращенія слова *Ὁσερᾶμις*, послѣдняго-же не обнаружено въ египетскихъ памятникахъ, въ силу чего Wilcken и

находить нужнымъ настаивать на иностранномъ происхожденіи имени бога. Мнѣ кажется, однако, что отсутствіе этой формы въ памятникахъ отнюдь не доказываетъ невозможности ея существованія, да и самъ Wilcken въ своей послѣдней замѣткѣ по этому вопросу высказывается далеко не такъ рѣшительно, какъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Arch. III, 249. Если же мы непосредственно обратимся къ даннымъ античной традиціи, то увидимъ, что и Плутархъ и Тацитъ, сообщая разныя версіи о мѣстѣ первоначальнаго культа Сараписа, вполне опредѣленно указываютъ, что самое имя божества было туземнаго происхожденія. Я уже приводилъ слова Тацита о той часовнѣ Сараписа и Исиды, куда была помѣщена вывезенная изъ Синопа статуя Плутона. Едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ E. Petersen'a (Arch. f. Religionswissenschaft, Bd. 13, 1910, S. 70), что здѣсь имя Сараписа употреблено ошибочно вмѣсто Осириса,—не могъ же Тацитъ не знать, что послѣдній былъ національно-египетскимъ божествомъ и говорить о синопскомъ происхожденіи его культа. Не объ Осирисѣ здѣсь идетъ дѣло, а объ Осирисѣ - Аписѣ, то-есть умершемъ быкѣ Аписѣ, сдѣлавшемся послѣ смерти равнымъ верховному божеству Египта, и не только литературная традиція, но и надписи строго различаютъ эти два понятія (см., напримѣръ, 'Ὁσίρως τε καὶ Σαράπιδι. въ Rev. Arch. T. X, 1887, p. 214.)¹⁾ Тацитъ вполне сознательно, а вовсе не въ силу какого-нибудь недосмотра, называетъ Сараписомъ божество существовавшее въ Египтѣ до перенесенія статуи Гадеса, иными словами, онъ имѣетъ въ виду Осириса-Аписа. Точно такъ же Плутархъ, по поводу приобрѣтенія статуи изъ Синопа, замѣчаетъ: οὐ γὰρ ἐκείθεν οὕτως ὀνομαζόμενος ἦκεν, ἀλλ' εἰς Ἀλεξάνδρειαν κοινοθεῖς τὸ παρ' Αἰγυπτίας ὄνομα τοῦ Πλούτωνος ἐκτήσατο τὸν Σάραπιν. Но если бы даже имя Сараписа и было, что едва ли можно предположить, иностраннаго происхожденія, то совершенно недопустимой является точка зрѣнія нѣкоторыхъ изслѣдователей (напр. E. Schmidt'a, Kulturübertragungen, 1909),²⁾ по мнѣнію которыхъ Сараписъ чуть ли

¹⁾ Эта надпись осталась неизвѣстною Lafaye, утверждавшему, что Осирисъ и Сараписъ никогда не упоминались одновременно какъ два отдѣльные божества (Histoire du culte des divinités d'Alexandrie, Paris, 1884, p. 18).

²⁾ Къ сожалѣнію, я не имѣлъ въ рукахъ этой книги; но содержаніе ея извѣстно мнѣ изъ рецензіи проф. Е. Г. Кагарова. (Гермесъ, 1911, № 7.

не выдуманъ Птолемеемъ Сотеромъ, или, по крайней мѣрѣ, введенъ въ Египетъ исключительно волею царя. Боговъ никто никогда не выдумывалъ, всѣ они безсознательно порождены вѣковой эволюціей религіозной мысли, и Птолемей Сотеръ только въ томъ случаѣ могъ рассчитывать на популярность своего Сараписа, если божество это имѣло прямыхъ предшественниковъ въ національно-египетскомъ пантеонѣ,—отнять у народа его Осириса-Аписа ради какого-то невѣдомаго чужестраннаго бога значило было бы обречь послѣдняго на полную непопулярность среди туземнаго населенія страны. Царю не было рѣшительно никакой надобности вводить *новый* культъ, необходимо было просто эллинизировать какое-нибудь египетское божество, чтобы придать ему интернациональный характеръ. Въ этомъ, какъ мнѣ кажется, и заключается разгадка экспедиціи въ Синопъ съ цѣлью перенесенія оттуда статуи Гадеса.

Bouché-Leclercq и другіе сторонники туземнаго происхожденія Сараписа совершенно отрицаютъ разсказъ древнихъ авторовъ о Синопѣ, полагая, что послѣдній представляетъ собой лишь искаженіе египетскаго Sen-Nari, то-есть, „жилище Аписа“, и только желаніе греческихъ писателей объяснить непонятное для нихъ слово создало легенду о ночномъ видѣніи Сотера и царскомъ посольствѣ на берега Понта съ цѣлью приобрѣтенія статуи невѣдомаго бога. Это толкованіе, выставленное впервые Brugsch'омъ въ Geogr. Inschr. встрѣтило возраженіе со стороны Lehmann-Haupt'a (op. cit. 352), который вполне, какъ мнѣ кажется, вѣрно указываетъ, что въ данномъ случаѣ изслѣдователями допущена путаница понятій: живой Аписъ никогда не отождествлялся съ Сараписомъ и недаромъ іероглифо-демотическая транскрипція Sen-Nari передана по-гречески, какъ *Ἀλιείον*,—очевидно, что мѣсто пребыванія обоготвореннаго быка не имѣло никакого отношенія къ культу Сараписа. Гипотеза Brugsch'a и Bouché-Leclercq'a кажется мнѣ неприемлемой также потому, что если мы отбросимъ разсказъ о Синопѣ, то представится вопросъ, какова же была въ такомъ случаѣ была роль Птолемея въ

стр. 157.), Glotz'a (Revue des études grecques, t. XXIV, 1911, p. 226), Gruppe (Berl. phil. Wochenschr., 1911, S. 842) и Journ. of Hellen. Studies, XXX, 380. Ср. также статью Weitz'a, Klio, B. 10 (1910), S. 120 ff.

дѣлѣ распространенія культа Сараписа? Чѣмъ объяснить широкую популярность этого божества въ греческомъ мірѣ? Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній отвергать свидѣтельство Тацита и Плутарха, которые прекрасно объясняютъ возникновеніе этого греко-египетскаго культа, какъ результатъ желанія царя эллинизировать мѣстный пантеонъ путемъ отождествленія Осириса-Аписа съ наиболѣе пригоднымъ для этой цѣли національно-эллинистическимъ богомъ. Таковымъ являлся Гадесъ, божество загробнаго міра, въ которомъ египтяне скорѣе могли узнать своего Осириса-Аписа, чѣмъ въ какомъ-то загадочномъ *Sarapsi*. Если мы отбросимъ собственно легендарную часть древней традиціи ¹⁾, какъ-то сонъ царя, чудесное вмѣшательство бога во время пребыванія посольства въ Синопѣ, необыкновенно быстрое прибытіе корабля со статуей въ Александрію и т. д., то самый ходъ событій сдѣлается для насъ вполне яснымъ, Птолемей Сотеръ, желая эллинизировать наиболѣе популярное въ Египтѣ того времени божество — Осириса-Аписа, рѣшилъ официально подтвердить, вѣроятно уже и ранѣе обычное, отождествленіе его съ Гадесомъ.

По совѣту аѳинянина Тимофея и египтянина Манеона, подкрѣпленному одобреніемъ дельфійскаго оракула, онъ отправляетъ посольство въ Синопѣ, гдѣ находилась особенно чтимая статуя Гадеса, исполненная, какъ можно думать, знаменитымъ скульпторомъ Бриаксіемъ по заказу мѣстныхъ жителей. Разумѣется, въ Синопѣ могло существовать какое-нибудь туземное божество, которое отождествлялось съ Гадесомъ, но, по справедливому замѣчанію Kaerst'a (*Gesch. d. hellenist. Zeitalt.* II, 268), мы слишкомъ мало знаемъ мѣстную религію, чтобы могли опредѣленно высказаться по этому вопросу. По мнѣнію Seymour de Ricci (*Rev. arch. t. XVI, juillet-août 1910, p. 98.*), прототипомъ Сараписа является божество, нѣсколько странное изображеніе котораго имѣется на одной изъ синопскихъ монетъ: это была бычачья голова на чело-вѣческой ногѣ, служившая предметомъ поклоненія, какъ это видно изъ стоящаго передъ ней алтаря. Божество въ формѣ быка могло, по мнѣнію Ricci, напомнить египтянамъ ихъ Осириса-Аписа, и Птолемей, отправляя посольство въ Синопѣ,

¹⁾ О ней см. A. Dieterich, *Kleine Schriften*, Lpz. 1911, S. 159 ff.

руководился именно этимъ соображеніемъ. Гипотеза Ricci кажется мнѣ довольно правдоподобной, такъ какъ сохранилось изображеніе Сараписа въ видѣ головы бога на человѣческой ногѣ (Weitz у Roscher'a, 382, рис. 13.). Тѣмъ не менѣе, вопросъ о сущности синопскаго божества для насъ не имѣетъ никакого значенія, важна лишь тождественность его съ Гадесомъ, котораго имѣлъ въ виду Птолемей, намѣреваясь сдѣлать Осириса-Аписа роднымъ и близкимъ для грековъ. Безъ всякаго насилія надъ совѣстью своихъ подданныхъ, путемъ удачнаго выбора соответствующаго эллинскаго божества, Птолею Сотеру удалось сблизить грековъ съ варварами и положить прочныя зачатки религіознаго синкретизма, столь характернаго для позднѣйшей эллинистическо-римской эпохи.

Евг. Байбаковъ.
